

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И
Франка Тилье

Серия «Шарко/Энебель»:

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Синдром Е

GATACA, или Проект «Феникс»

Атомка

Страх

Пандемия

Шарко

Лука, или Темное бессмертие

•

Другие романы:

Лес теней

Лента Мёбиуса

Переломы

Головокружение

Головоломка

Сновидение

Последняя рукопись

Жил-был раз, жил-был два

•

Иллюзия смерти

ФРАНК ТИЛЬЕ

ИЛЛЮЗИЯ СМЕРТИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Franck Thilliez
AU-DELÀ DE L'HORIZON ET AUTRES NOUVELLES
Published originally under the title "Il était deux fois"
Copyright © 2020, Editions Pocket, Département d'Univers Poche
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

Перевод с французского
Марии Брусовани, Риммы Генкиной,
Галины Соловьевой, Марианны Таймановой

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

- © М. И. Брусовани, перевод, 2020
- © Р. К. Генкина, перевод, 2020
- © Г. А. Соловьева, перевод, 2020
- © М. Е. Тайманова, перевод, 2020
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19805-0

Где-то за горизонтом

Этот звонок для меня жизненно важен, но прозвучал он в самый неподходящий момент. В трубке голос представителя НАСА: он информирует меня о том, что миссия «Ахерон¹ II» стартует и в 18:00 к моему дому в парижском предместье подъедет машина, чтобы отвезти меня в аэропорт.

Да только вот незадача: в ближайшие двое суток Элен должна родить. И я непременно хочу присутствовать при появлении на свет своего сына. Как же быть? Отказаться от мечты, ради которой я вот уже два года из кожи вон лезу? Я прильнул ухом к округлившемуся животу жены. Чувствую, как младенец бьет ножкой, и в этом пытаюсь найти ответ на свой вопрос. В конце концов, младенец тоже имеет право высказаться. Если я соглашусь, меня не будет здесь, когда он откроет глаза. И когда впервые улыбнется. Я пропущу все эти первые разы, а их уже не наверстать. Я распрямляюсь, смотрю на Элен, глажу рас-

¹ *Ахерон* — в древнегреческой мифологии одна из рек в царстве Аида. — *Здесь и далее примеч. перев.*

тянувшуюся кожу ее живота и пупок, который торчит, как нераспустившийся бутон розы.

— Я буду думать о вас обоих каждый день и каждый час. И потом, ты же будешь посылать мне фотографии. Я увижу, как Натан растет, и мы всегда будем рядом друг с другом.

— Гавайи не так уж и далеко, — говорит она, чтобы успокоить себя. — Это хотя бы на Земле.

— На Земле.

— Ладно, иди собирайся. Время поджидает.

Я так долго ждал этого момента, что мне нужен всего-то час, чтобы подготовиться к отъезду — сложить самое необходимое в большой спортивный рюкзак. Быт под куполом наверняка будет самым что ни на есть простым. В любом случае я имею право взять с собой не больше пятнадцати килограммов.

Уже 17:40. Ненавижу! Ненавижу эти последние минуты. Последняя чашка кофе, последний взгляд на садик, где у меня растут овощи и фрукты, последний звонок матери, которая сейчас как раз выезжает из Марсея, чтобы в день икс сопроводить Элен в больницу. Я стараюсь сдержать слезы, но это нелегко. К тому времени как я вернусь, многое изменится. Элен промокает каплю, которая собралась в уголке моего глаза. Для нее мой отъезд тоже непростая штука. Меня не будет рядом, чтобы перерезать пуповину.

Мне кажется, я люблю ее еще больше, чем всегда. Мне будет так ее не хватать. Я пытаюсь представить

себе, как станут волноваться те мужчины и женщины, которые в будущем на самом деле покинут Землю, чтобы лететь на Марс. Я завидую их силе и смелости.

Я протягиваю жене лэптоп с электронной почтой, уже настроенной техниками НАСА, чтобы она могла связаться со мной, пока я буду находиться под куполом.

— Наша связь. Держи его все время под рукой. Я буду писать тебе, а ты мне. Ежедневно отправляй мне фотографию малыша. Наше общение будет ограничено, но я хочу видеть, как он растет, и не пропустить ни одного важного момента. И не забывай про нашу тайную переписку, используй ее только в крайних случаях, если не хочешь...

— ...чтобы НАСА узнало; я поняла. Поклянись еще раз, что будешь осторожен, что побережешь себя.

— Мой мир будет гораздо менее опасным, чем твой. В радиусе десятков километров не будет ни одной живой души. За нами постоянно будут наблюдать лучшие специалисты НАСА. Это тебе, Элен, следует быть осторожной. Здесь, в городе, рисков гораздо больше. Я свяжусь с тобой сразу, как прибуду на место.

Перед домом раздается гудок. Я предпочитаю не медлить, чтобы избежать душераздирающего прощания, и торопливо ныряю в черный седан. Машина сворачивает за угол, и тут желудок у меня сводит от странного ощущения. Я чувствую, как к горечи от осознания того, что я должен уехать, оставить жену

буквально накануне родов, примешивается огромная радость. Чтобы успокоиться, я убеждаю себя, что сделал правильный выбор. Всего пять лет назад я был просто студентом-биологом, специализирующимся на астробиологии: я изучаю все процессы, которые могут привести к возникновению жизни. Прошло два года, как я подал заявку на участие в проекте «Ахерон II», и вот сегодня, после тяжелых тренировок и нескончаемой серии подробнейших тестов, часть которых проводилась непосредственно в лабораториях НАСА, мне посчастливилось быть выбранным среди десяти тысяч кандидатов. Я вхожу в число шести наиболее подходящих специалистов, которым предстоит в течение трехсот шестидесяти пяти дней изучать и оптимизировать будущие путешествия на Марс. И если я справлюсь, то, возможно, стану одним из тех, кто однажды полетит на Красную планету.

В аэропорту Руасси — Шарль де Голль меня встречает человек в форме. До чего же неприятный! Лицо рябое, губы какие-то сморщенные, напоминают дольки грейпфрута. Зовут его Рональд Шерон, он из Вашингтона. Вместо того чтобы, как было договорено, дать мне билет на самолет, он сообщает, что я полечу на частном самолете.

— Почему на частном?

— Вы направляетесь не на Гавайи, но знайте, что метеорологические условия и купол будут строго идентичными тем, что были описаны в документации. Запрошенное вами лабораторное оборудование уже ожидает вас на месте.

— Не на Гавайи? Это как?

— НАСА желает, чтобы эта командировка оставалась полностью конфиденциальной. Никаких журналистов, никакой рекламы, никакой утечки в Интернет — полная невозможность определить ваше местонахождение. Напоминаю вам, что в ходе предстоящих полетов на Марс придется быть готовым садиться на площадки, отличные от запланированных. У вас есть вопросы?

Я удивлен, что меня вводят в курс подобным образом — в коридоре аэропорта, за несколько минут до вылета, — но я понимаю, что другого решения нет. При наличии мобильных и Интернета возможны любые утечки. Подумать только, я неделями изучал географию в окрестностях вулкана Мауна-Лоа! Здорово же я продвинулся!..

— Нет, никаких вопросов.

— Хорошо. Дайте ваш телефон. Через год я вам его верну.

Через год. Ну дела! Я неуверенно протягиваю ему свой мобильник. В кипе документов, относящихся к проекту, было ясно сказано, что на объекте телефоны и фотоаппараты запрещены и будут «изъяты» перед размещением, однако сейчас, в эту самую минуту, я ощущаю, как увеличивается расстояние между мной и моими близкими.

Мы идем по коридорам терминала 2F и пройдем через посты контроля — особые, не те, что для простых смертных. У меня требуют паспорт, но ни разу не спрашивают место назначения. Вместе с со-

трудниками аэропорта Рональд проверяет, не везу ли я фотооборудование или камеру. Спустя полчаса мы садимся в новехонький самолет дальней авиации авиакомпании «Paradisio». Десяток удобных кресел, напитки и еда по желанию: НАСА постаралось. В этом самолете, который стоит целое состояние, мы с американцем вдвоем, и я внезапно ощущаю свою значительность. Немного самолюбия не повредит.

Шторки иллюминаторов намеренно опущены, и поднять их невозможно. Рональд и часы у меня отобрал: он хочет быть уверенным, что я не высчитаю продолжительность полета. Если я задаю ему вопрос, он отрывается от своего sudoku, покусывает деревянный карандаш и заявляет, что не может ответить: он здесь исключительно для того, чтобы обеспечить мое прибытие в нужное место.

Когда шасси отрываются от французской земли, я прикидываю, что сейчас около восьми вечера. Я чувствую себя легким, как птица, свободным и облеченным важной миссией. Я готовлюсь жить в изоляции, вдали от средств массовой информации, от какой-либо цивилизации, отключенным от всех сетей и Интернета.

Такой разрыв с суматошным миром мне чертовски кстати. Я познакомлюсь еще с пятью потрясающими, блестящими людьми: они, как и я, расстались со своими семьями, с друзьями. И одержимы одной целью: успешно справиться с миссией и однажды полететь на Марс.

Но мне не удастся прогнать завладевшую мной несколько часов назад тревогу. Внезапность отъезда,

смена направления, эта история с полной конфиденциальностью... Меня все-таки гложет неприятное чувство, что в НАСА мне сказали не всё.

*

День 1-й

Удар шасси о посадочную полосу выводит меня из дремотного состояния. Я уснул и теперь не вполне понимаю, где я. И который час. День? Ночь? Мы могли лететь и десять часов, и пятнадцать. Прежде чем дверь открылась, Рональд попросил меня надеть маску, закрывающую глаза. Можно подумать, снимается шпионский фильм. Двигатели выбрасывают раскаленный, как в аду, воздух, от керосиновых испарений кружится голова. Чья-то рука ведет меня до автомобиля с кондиционером, мы трогаемся с места.

Радио в машине нет. Рональд и водитель, тоже, мне кажется, американец, обмениваются какими-то банальными фразами. Я в стрессовом состоянии, чувствую себя кем-то вроде заложника, но еще в аэропорту я понял, что командировка уже началась. Наверное, это какой-то тест. Одна из задач миссии «Ахерон II» заключается в том, чтобы оценить психологическое состояние экипажа, вынужденного жить в замкнутом пространстве во враждебной среде. Людям, которые отправятся на Марс, придется вынести длительное, полугодовое, путешествие в темноте космоса, они будут существовать взаперти, ды-

шать вторичным воздухом. Если я не смогу в течение нескольких часов вытерпеть повязку на глазах, то я там долго не выдержу.

Интересно, в какой стране мы приземлились? Здесь градусов двадцать. Я прикидываю возможные места назначения. Пустыня в штате Юта? Африканский Рог? Какой-нибудь остров посреди Тихого океана? У НАСА повсюду есть полностью автономные базы.

После долгой утомительной езды по тряской дороге машина останавливается. Шерон помогает мне выйти. Снимает с моих глаз повязку. Ослепленный белым светом, как на выходе из тоннеля, я сначала зажмуриваюсь, а потом у меня дух захватывает: передо мной один из самых невероятных пейзажей, которые мне доводилось видеть. Исчерченное белыми кудрявыми следами самолетов, чистейшее голубое небо контрастирует с морем красных камней на ржавой охристой поверхности. В одну сторону она простирается сколько хватает глаз, а с другой ее прерывает полукруг величественных возвышенностей, похожих на вулканы. Если бы мне надо было описать поверхность Марса, я бы справился, глядя на это бескрайнее пространство, освещаемое солнцем, гораздо более массивным здесь, чем где-то еще, и на эту беспощадную сушь, от которой у меня уже першит в горле. Никаких следов растительности. Как если бы жизни вообще не существовало.

Метрах в ста от меня возвышается купол. Он соответствует имеющемуся у меня описанию: белая полусфера высотой одиннадцать метров в верхней

точке, расположенная на площади около ста квадратных метров и тоннелем связанная с контейнером под названием Литл-Бокс¹. Слева от него наше разведывательное транспортное средство со своими собственными солнечными батареями. Из шлюза навстречу мне выходят пятеро других членов экспедиции. Я прибыл последним.

Рональд возвращает мне часы и пожимает руку. Я бросаю быстрый взгляд на номерной знак «хаммера», но он не читается, потому что покрыт красной пылью.

— Попытка не пытка, — с улыбкой бросает мне американец. — Встречаемся через год, здесь же, в это же время.

Он садится в машину и сразу же трогается с места, разрывая таким образом всякую связь с цивилизацией. Ну вот, как говорится, поезд ушел. Теперь я не могу даже обернуться, без того чтобы не запустить процедуру срочного возвращения, что лишит меня шансов в один прекрасный день отправиться на Марс. Странное ощущение. Перекинув рюкзак через плечо, я пока еще не очень уверенным шагом направляюсь к куполу. Теплый ветер ласкает мне лицо, я в последний раз вдыхаю чистый воздух и запах горячего камня. Когда я пройду через створки шлюза, эти простые удовольствия на долгий год станут для меня запретными.

В надежде на то, что Рональд не перевел время, я на ходу взглядываю на циферблат своих часов

¹ Little-Box (*англ.*) — коробочка.

и быстро подсчитываю: вот уже двадцать восемь часов, как я покинул дом. Во Франции десять вечера. А здесь солнце еще стоит высоко. Наверное, мы летели на запад. Надо написать Элен, узнать, нормально ли добралась моя мать, начались ли схватки, в каких условиях проходят роды. Меня обуревают множество мыслей и чувств.

Собираясь надеть часы, я замечаю на внутренней стороне кожаного ремешка неразборчивую карандашную надпись по-французски: *Жизнь всего лишь иллюзия.*

*

Три женщины, трое мужчин. Средний возраст — тридцать один год.

Джоанна Уотсон, австралийка, врач, ученый-невролог.

Кларисса Смит, американка, физик.

Элизабет Пэтиссон, шотландка, биолог.

Карл Оппенгеймер, немец, инженер по робототехнике.

Питер Джонсон, американец, архитектор.

И я, Марк Жуано, двадцать восемь лет, самый младший, астробиолог.

Шестеро специалистов в разных областях науки, которым предстоит, применив все свои знания и приложив немалые усилия, доказать, что на красной планете возможна жизнь в режиме самообеспечения. Мы обмениваемся дружескими рукопожати-

ями, быстро представляемся друг другу и обсуждаем странный способ, которым мы все сюда прибыли.

Уже всюду высказываются гипотезы относительно местоположения нашей базы. Большинство склоняется к какой-нибудь южноамериканской стране — самая правдоподобная мысль. Разумеется, я ничего не говорю им о странной надписи на ремешке моих часов. *Жизнь всего лишь иллюзия*. С чего вдруг американец, который ищет на НАСА, написал бы мне такое на рассвете первого дня?

Мы проникаем в пузырь, где мне предстоит провести следующий год. Первое, что я вижу, войдя в купол, — это тамбур, где висят шесть наших огромных космических комбинезонов. Миновав это пространство безопасности, посетитель получает две возможности: свернуть вправо, в тоннель, ведущий к Литл-Боксу, или продолжать двигаться прямо, к главному помещению. Именно там по кругу расположены наши рабочие пространства, разделенные невысокими экранами. Тесная вселенная лабораторных колб и пробирок, компьютеров, электроники, книг. И прочего научного инвентаря, который представляет собой мозговой центр наших изысканий.

Моя лаборатория устроена так, как я просил. Беглый осмотр показывает, что все на месте, а главное — мои микроорганизмы. Мелкое оборудование — химический стакан, пипетки — слегка потрескалось, наверняка издержки транспортировки. К счастью, я заказал несколько штук на замену, и они в полном порядке.

Экскурсия продолжается. В другой половине круга, за перегородками, мы обнаруживаем анфиладу помещений: кухня, биотуалеты, ванная комната, в которой только душ и раковина, импровизированный спортзал с домашней беговой дорожкой и велотренажером, что позволит одновременно генерировать электричество, а также помещение, оборудованное еще одним компьютером и носящее название «бюкс сингулярности¹». «Это место, где каждый может связываться со своими родными в относительно интимной обстановке», — объясняет мне на своем исковерканном шотландцами английском Элизабет Пэтиссон. У этой маленькой женщины с веснушчатым лицом огненно-рыжие волосы, они заплетены в длинную косу, спускающуюся ниже пояса. Энергия буквально переполняет ее, и, похоже, она болтушка. «Мы образуем тандем биологов и очень быстро сойдемся». Она изучает экосистемы между растениями, рыбами и бактериями, в которых одни питаются отходами других.

Наш врач, Джоанна Уотсон, такая же яркая брюнетка, как Кларисса Смит — блондинка. Обручального кольца не носит. Карл Оппенгеймер — огромный немец с бицепсами регбиста и очень темной бородой. Похоже, только мы с ним люди семейные.

В верхней части купола, куда можно попасть по деревянной лестнице, располагаются наши спальни или, скорее, каюты. Чердак дверей, которые наводят на мысль о женских туалетах в кемпинге. За каждой

¹ *Сингулярность* — единичность.

дверью — четыре квадратных метра, низкий сводчатый потолок, односпальная кровать, маленький столик, узкий шкаф, на полу кусок серого паласа и тонкие, как папиросная бумага, перегородки. Ничего удивительного, все соответствует описанию, представленному американским предприятием. Явно не четыре звезды, но мы и не отдыхать приехали.

Прибыл последним — получи, что завалялось. Мне досталась самая неудобно расположенная спальня — та, что выходит прямо на лестницу. Я снимаю рюкзак, вынимаю из него бортовой журнал, в который намереваюсь ежедневно записывать результаты своих исследований и впечатления, а также пурпурный с зелеными разводами шарф Элен: она часто носит его вокруг шеи, и он пахнет ее духами. Прикрыв глаза, я вдыхаю ее аромат. И едва успеваю сунуть его под подушку, как меня зовут.

Стоящая на крошечном столике позади наших лабораторий приемопередающая станция, напоминающая старый телевизор, довольно посредственно показывает какое-то лицо. Это Майкл Льюис, наш референт — единственная наша связь с внешним миром. Изможденная физиономия в круглых очках. Он, видимо, сидит у себя в кабинете: за его спиной растянут большой флаг с логотипом НАСА.

— Вы все прошли в НАСА строгий отбор благодаря вашим знаниям и адаптационным способностям, которые позволят вам выжить в режиме самообеспечения будущих поселений на Марсе. Наиболее годные из вас, возможно, получат шанс отправиться туда в будущем...

Сгрудившись возле телерадиоприемника, относящегося, пожалуй, к семидесятым годам прошлого века, мы все прямо-таки раздулись от гордости. Я ну просто чувствую, как она прет из наших грудных клеток.

— ...Отныне вы должны считать, что находитесь на Марсе. Ваш декан, Питер Джонсон, — военный, имеющий непосредственное отношение к нашей организации. Поэтому он назначен вашим руководителем и будет обеспечивать как можно более успешное выполнение миссии...

Все смотрят на Джонсона. У него квадратные челюсти, ледяные голубые глаза и харизма капитана корабля. Такому положено носить форму, увешанную медалями.

— Вам придется соблюдать чрезвычайно строгие правила. Вы их знаете наизусть, но основные я вам повторю. Прежде всего, ни при каких обстоятельствах вы не должны выходить из купола без комбинезона, будь то пожар, утечка — любая причина, толкающая вас наружу. Отныне НИКОГДА без комбинезона.

Тон у него властный, лицо замкнутое. Он наверняка видит нас при помощи маленькой камеры, вмонтированной в корпус телевизора.

— Также необходимо строжайшим образом соблюдать протокол возвращения в купол: разблокирование внешних створок шлюза, санитарная обработка, затем разгерметизация перед открытием внутренней двери. Не приносите снаружи никаких живых

организмов. Всякое нарушение этого правила повлечет за собой немедленное отстранение вас от миссии и поставит под угрозу равновесие вашей группы, и вы можете не сомневаться, что НАСА навсегда разрушит вашу карьеру. Миссия «Ахерон II» должна быть успешной.

От этого его заявления меня пробрал озноб. Я смотрю на своих застывших перед экраном коллег. На лбу Оппенгеймера выступили крупные капли пота. Он замечает, что я разглядываю его, и вызывающе дергает подбородком, как бы спрашивая: «Чего тебе?» Я отворачиваюсь и продолжаю смотреть на экран.

— ...Второй важный пункт: вода. В обязанности Клариссы Смит, физика вашей команды, входит работа по извлечению связанных вод из присутствующих в марсианской почве минералов. Ее проект должен быть завершен в конце этого года, так что дел достаточно...

Смит — это икона группы. С ней я бы с удовольствием изучал физику. Походка у нее легкая и спортивная. Ей потрясающе идет бейсболка с надписью: «Eagles of Philadelphia». Похоже, НАСА при подборе кандидатов пользовалось очень четкими физическими критериями.

— ...В любом случае первым колонистам непременно придется экономить воду — самый драгоценный ресурс. Бесхозяйственность на Марсе — это верная смерть. Поскольку выделение воды из земной почвы не является актуальной проблемой, под

основанием купола закопан резервуар на десять тысяч пятьсот литров. Внешняя команда обслуживания, с которой вы не будете иметь никакого контакта, каждые семьдесят дней — ни днем раньше, ни днем позже — будет наполнять его. Вас шестеро, вот и считайте сами...

Я слежу за соседями: они, так же как и я, принимают делать подсчеты. Получается двадцать пять литров в день на человека, тогда как средний француз потребляет приблизительно сто пятьдесят. Дома я тренировался на сорока литрах. Мы обмениваемся быстрыми взглядами. Оппенгеймер по-прежнему выглядит очень напряженным. Пэтиссон Огненная Коса, нервничает. Она нажимает кнопку передачи:

— А что случится, если мы израсходуем всю норму воды до наполнения резервуара?

Пэтиссон замечает свою оплошность в тот момент, когда отпускает кнопку: Льюис получит ее сообщение не раньше, чем через двадцать минут. Для нашей миссии смоделировано все, включая время, за которое волны проходят расстояние от Марса до Земли. В таких условиях нормальные разговоры, когда один отвечает другому, невозможны. Льюис невозмутимо продолжает свою речь:

— А теперь о связях с нашим миром. Как оговорено в документации, каждый из вас имеет учетную запись на компьютере в боксе сингулярности. Поскольку отправка и прием данных потребляет энергию и ограничено пропускной способностью, вы получите право посылать одно электронное письмо

в день и получать одно от лица, указанного при вашем зачислении в проект. Доставка письма адресату, как и его получение, займет двадцать минут. Полученные письма не должны превышать определенного веса. Вы можете получать одну фотографию в день, однако, если она слишком тяжелая, ее качество будет снижено... Отметьте для себя, кстати, что передатчик, используемый в тот самый момент, когда мы с вами общаемся, будет также служить новостным каналом. Каждое утро, с семи до восьми, приятный женский голос в циклическом режиме будет зачитывать вам короткие новости из нашего мира. Политика, здоровье, экономика. Это позволит вам сохранять связь с реальностью.

Мы стоически слушаем его речь. Спустя сорок минут, прямо посреди его монолога, нам приходит ответ на вопрос Пэтиссон. Черные глаза Льюиса холодно нацеливаются в то место, где шотландка находилась двадцать минут назад. С тех пор она немного сместилась влево.

— Нехватки воды не должно случиться никогда, Пэтиссон. Различные измерительные приборы дают возможность контролировать в реальном времени уровень воды, произведенную и потребленную энергию, а также температуру. Вы единовластные хозяева вашего производства и потребления...

Он возвращается к предыдущей теме. Интимные отношения не запрещены. Мы должны один раз в день заполнять и отправлять из бокса сингулярности анкеты о состоянии нашего здоровья, о нашем

настроении, об отношениях с коллегами. Конфликт? Дружба? Напряженность? Все должно быть высказано и проанализировано. Льюис успокаивает нас, утверждая, что никакая камера ничего не записывает, кроме времени, когда активирован приемопередатчик. Кроме того, мы должны постоянно носить на себе датчики, которые будут передавать в НАСА наши биологические показатели — сердечный ритм, давление, продолжительность и качество сна — и наше местоположение. Эти датчики ни в коем случае нельзя снимать, только во время туалета. Я все это знал, но теперь это стало реальностью. Не осталось ничего интимного.

Мы объекты изучения, мы принадлежим аэрокосмическому предприятию — душой и телом.

Майкл Льюис объявляет миссию официально начавшейся. Сегодня 10 июля 2016 года, четыре часа дня. Едва он прервал передачу, я направляюсь к боксу сингулярности. Запершись в крошечной комнатке, я вхожу в свой аккаунт и пишу единственное ежедневное сообщение, на которое имею право.

Спустя час, получив в ответ сообщение Элен, я появляюсь в дверях лаборатории. В глазах у меня слезы. Мои новые коллеги на своих местах или занимаются описью оборудования.

— Я стал отцом!

Все лица поворачиваются ко мне, все действия прекращаются.

— Его зовут Натан, он весит три четыреста, рост пятьдесят пять сантиметров. Родился всего несколько часов назад.

СОДЕРЖАНИЕ

Где-то за горизонтом. <i>Перевод М. Брусовани</i>	5
Враги. <i>Перевод М. Таймановой</i>	99
Сцилла и Харибда. <i>Перевод Р. Генкиной</i>	135
Габриэль. <i>Перевод Р. Генкиной</i>	173
Сопор. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	193
Двойное «я». <i>В поисках тела. Перевод М. Таймановой</i>	205
Уроборос. <i>Перевод М. Брусовани</i>	251
Астени. <i>Перевод М. Таймановой</i>	295
Перепутье. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	319
Последний поворот. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	335
Истоки. <i>Перевод Р. Генкиной</i>	349
Последний круиз. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	379

Тилье Ф.

Т 40 Иллюзия смерти : новеллы / Франк Тилье ; пер. с фр. М. Брусовани, Р. Генкиной, Г. Соловьевой, М. Таймановой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-19805-0

Франк Тилье, автор мировых бестселлеров, признанный мастер остросюжетного жанра, обратился к малой прозе. В сборнике «Иллюзия смерти» двенадцать новелл — двенадцать оригинальных идей. Идей, абсолютно характерных для миров Франка Тилье: загадки бытия, провалы памяти, игры с двойниками, с раздвоением личности, психологические и научные проблемы, катастрофы — стихийные или подстроенные. Автор мастерски манипулирует и своими персонажами, и одновременно читательским вниманием, так что удовольствие гарантировано!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
ИЛЛЮЗИЯ СМЕРТИ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Елена Леонова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валерий Камендо, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.06.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBD-28574-01-R